

**Александр
Мещеряков**

Император Хирохито: обретение тела

Александр Николаевич Мещеряков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных культур и античности РГГУ.

В конституции 1890 г., принятой в правление Мэйдзи (1867–1912), японский император представал существом совершенно особенным: он происходил от богини солнца Аматэрасу, принадлежал к самой древней в мире династии, никому не был подотчётен и подсуден. Другое дело, что реальное функционирование государственной машины было таково, что император не имел никакой возможности влиять на дела в стране. Но, кроме самых приближённых к власти лиц, никто об этом не знал. Зато все знали, что тело императора является священным и до него нельзя было дотрагиваться. Это вызывало большие бытовые неудобства – ни портным мерки снять, ни врачам осмотреть. Современники свидетельствуют, что мундир на Мэйдзи выглядел мешковато. Во время правления внука Мэйдзи – Хирохито (1925–1989) при осмотре августейшего пациента врачи по-прежнему надевали перчатки. А как же поступали раньше? Предание гласит, что император Гомидзуноо (1611–1629) заболел ветряной оспой, и врачи прописали ему прижигания *моксой*. Император хотел жить и потому ему ничего другого не оставалось, как отречься от трона. Теперь дотрагиваться до него позволялось.

После окончания Второй мировой войны перед американскими оккупационными войсками была поставлена задача демонтажа той политической системы, которая обеспечивала – как организационно, так и идеологически – военную экспансию Японии в Азии и на Тихом океане. Одним из основных элементов этой системы был император, который «освящал» планы военных. Однако в штабе генерала Макартура сразу осознали нецелесообразность устранения института монархии и самого Хирохито. Поэтому задача выглядела скромнее: лишить императора ореола сакральности и превратить его в обычного человека. Иными словами, мистическое «тело» императора должно было обрести человеческое измерение. Эта задача выполнялась не только по разработанному экспертами плану – сами реалии послевоенной жизни работали в том же направлении.

15 августа 1945 г. подданные Хирохито впервые услышали его голос. Радиовещание началось в Японии в конце 20-х годов, но никогда император не обращался к своему народу. Вернее, обращался, но в форме письменных указов. Подданные имели возможность прочесть указы и комментарии к ним, но не имели возможности слышать голос императора. Долгое время японцам не разрешалось даже смотреть на потомка богини солнца (да они и сами полагали, что, взглянув на императора, ослепнут), и только дед Хирохито, император Мэйдзи, вышел из «тени» и позволил подданным лицезреть себя. Однако ни он, ни его ближайшие потомки (императоры Тайсё и Хирохито), никогда не выступали перед народом – слишком сильны были традиционные запреты, считалось, что демонстрировать свой голос перед людьми – дело «не царское».

Но август 1945-го выдался слишком трагическим. 6 и 9 августа американцы сбросили на Хиросиму

и Нагасаки две атомные бомбы – первое и, будем надеяться, последнее ядерное оружие, применённое в ходе боевых операций. Точная статистика неизвестна, но считается, что при этом пострадало около полумиллиона человек. 8 августа о вступлении в войну объявил Советский Союз. Стало ясно, что Япония проиграла войну. Проиграла, несмотря на внезапную атаку Пирл-Харбора в 1941 г., проиграла, несмотря на чудовищные жертвы (погибло около трёх миллионов японцев), проиграла, несмотря на ужасные страдания как самих японцев, так и тех народов, которые до сих пор не могут забыть прошлого.

Принятие решения об обращении Хирохито к народу шло нелегко. Согласно версии, ставшей официальной, император сам принял его и настоял на нём вопреки мнению тех военных, которые выступали

В довоенное и военное время в учреждениях и школах проводилась церемония, изображена сцена такого почитания, во время которого зачитывался указ императора

за продолжение войны. Выступление тайно записали во дворце и так же тайно пластинку доставили на радиостанцию. Мятежные офицеры попытались захватить её, но не смогли. Радиообращение вышло в эфир.

Хирохито призвал своих подданных «вынести невыносимое». Его голос был слаб и подрагивал. И дело было не столько в волнении, сколько в непривычке к подобного рода речам. Текст радиообращения был написан чрезвычайно трудным для понимания языком, традиционно свойственным императорским указам, что ещё раз подчёркивало: император – существо особенное. Чтобы его подданные правильно поняли сказанное, комментаторы единственного в стране радиоканала тут же приступили к делу. Выступление было коротким, пояснения к нему – длинными. Чтобы донести до слушателей туманное

радиообращение, потребовалось немало усилий. Ещё бы! Ведь Хирохито не произнёс слова «поражение». Вместо этого он выразился таким образом, что война «не оказалась удачной для Японии, и мировые тенденции не были благоприятны для нас». Обосновывая прекращение боевых действий, император сделал упор на гуманное значение этого шага: «Впервые враг применил жестокие бомбы, чтобы убить и искалечить огромное количество невинных людей, потери чрезвычайно тяжелы. Продолжение войны означало бы не только уничтожение нашего народа, но и разрушение всей человеческой цивилизации».

Общий смысл комментариев был таков: мы, японцы, оказались недостойными своего монарха, который испытывает боль, когда видит гибель японцев; мы оказались недостойными его, а он даже не упрекнул нас.

Чувство вины было столь тяжёлым, что в ближайшие дни несколько сот подданных Хирохито покончили жизнь самоубийством. Таков парадокс истории: объявление о мире вызвало новые жертвы. Следует однако помнить, что самоубийств было не больше, чем среди нацистов, распрощавшихся с жизнью при капитуляции Германии.

Ещё одним следствием обращения Хирохито стало прекращение американских авианалётов. Военные и гражданские чины стали жечь компрометирующие документы. Злые языки утверждали, что дым от горящих бумаг по-прежнему застилал небеса, как если бы бомбёжки все ещё продолжались.

Итак, миллионы японцев впервые услышали голос императора – такой слабый и такой трогательный. Однако это не поколебало их веры в божественность повелителя. Поэтому под влиянием своих советников и японской политической элиты генерал Макартур счёл за благо оставить Хирохито на троне. Возобладало мнение, что его отстранение приведёт к катастрофическим последствиям,

почитания портретов императорской четы. На данной иллюстрации Мэйдзи о воспитании. Из журнала «Фудзоку гахо», 1894 г. РГБ: ЗВ 3-Ж/52.

и утерявший сюзерена народ перестанет быть управляемым. А эффективность прежней вертикали власти не вызвала сомнений: после радиообращения Хирохито японские войска прекратили сопротивление, Красная армия двигалась по Маньчжурии с невероятной в условиях войны скоростью, никакого партизанского движения на территории самой Японии развёрнуто не было. Японцы слушались своего императора, а тот слушался Макартура. Эта конструкция очень напоминает времена сёгуната Токугава, когда императорский указ мог быть издан лишь с согласия сёгуна. Таким сёгуном стал теперь американский командующий оккупационными войсками в Японии. Каждый день тысячи японцев слали ему приветственные письма и открытки: Макартура благодарил за продовольственную помощь (она начала поступать в 1946 г.). Это вселяло надежду, что задуманные демократические преобразования пройдут успешно при условии, что трон будет продолжать занимать Хирохито. Не было слышно ни слова об ответственности императора за развязанную войну; вместо этого его стали позиционировать в качестве символа мирной и демократической Японии. Хирохито сменил мундир главнокомандующего на европейский костюм. Главнокомандующим теперь был генерал Макартур – он и имел право на военную форму.

В 10 часов утра 27 сентября 1945 г. к резиденции Макартура подкатил «роллс-ройс», из которого вышел Хирохито, облачённый в сюртук с галстуком и полосатые брюки. Макартур принимал его по-домашнему – в рубашке цвета хаки с расстёгнутым воротом. Генерал и император беседовали 40 минут. Запись не велась, детали разговора неизвестны. А если кое-что и стало известно, то только много лет спустя. Зато в памяти современников осталась фотография. Дело в том, что в конце встречи генерал, понимавший значение связей с общественностью, настоял на памятной съёмке. Всего было сделано три снимка, но только один из них признали годным для печати: то глаза у Макартура оказывались закрыты, то рот у императора был открыт. Третья фотография, которая и попала в газеты, не оставляла сомнений в том, кто теперь хозяин. В сравнении с «зажатым» Хирохито вальяжный Макартур казался гигантом. Возраст портретируемых (императору было 44 года, а Макартуру – 65) также был не в пользу императора. Генерал был похож на барина, Хирохито – на просителя.

Казалось, что вернулись далёкие времена, когда сёгуны Токугава диктовали императорам свою волю.

Эта фотография стала одним из наиболее символических знаков времени. Америка соглашалась на то, чтобы Хирохито оставался на троне, но ни у кого не должно было оставаться сомнений, что сила на её стороне. Министерство внутренних дел Японии попыталось было запретить публикацию фотографии, впервые появившейся в газете «Таймс», но из этого ничего не вышло, и 29 сентября все крупнейшие японские газеты обнародовали снимок. Для многих и многих японцев, привыкших видеть Хирохито на официальных фотографиях и в выигрышном виде (скажем, верхом на белом коне; снимать разрешалось с расстояния 20 м, в объективе должна была быть только верхняя часть тела; фотографировать в профиль и со спины тоже было нельзя), эта публикация стала настоящим шоком – столь растерянным и жалким выглядел император. С другой стороны, считали японцы, Макартур должен был чувствовать благодарность по отношению к Хирохито, который согласился позировать. Ведь им дали знак, что их император признал Макартура, распоряжения которого следовало выполнять. Без такого признания японцы вряд ли слушались бы его с таким почтением.

Идея развенчания божественного происхождения императора Японии появилась ещё во время войны. После её окончания непосредственными инициаторами такой операции стали два япониста – американец Гарольд Хендерсон и англичанин Реджинальд Блисс. Первый являлся автором предисловия и составителем сборника хайку *The Bamboo Broom*, второй – автором книги «Дзэн в английской литературе и восточные классики». Занятия классической японской литературой не помешали этим людям внести весомый практический вклад в устройство послевоенной жизни в Японии. Блисс в это время преподавал в престижной школе Гакусюин, где обучались дети аристократов, и одновременно служил посредником между двором и Отделом гражданской информации и образования – тем подразделением американской оккупационной армии, в обязанности которого входило проведение демократических преобразований в Японии. Именно в этом отделе нес свою службу подполковник Хендерсон.

В конце ноября 1945 г. Хендерсон высказал мнение, что было бы неплохо, если бы император издал указ о том, что он не является божеством. Блисс прощупал реак-

Встреча императора Хирохито и генерала Макартура 27 сентября 1945 г.

цию двора и принёс известие, что Хирохито согласился сотрудничать по данному вопросу. Хендерсон, лёжа на диване в своём номере гостиницы «Дайити», набросал проект соответствующего указа. Через пару дней Блисс передал ему просьбу министра двора сжечь документ. По всей вероятности, министр во что бы то ни стало хотел скрыть тот факт, что проект указа составлялся подполковником оккупационных войск. Тогда Блисс написал свой проект, мало чем отличающийся от проекта Хендерсона и получил одобрение Макартура. Текст был переведён на японский язык в Гакусюин и лёг в основу будущего указа императора. Обмен секретными посланиями продолжился. Правительство охотно сотрудничало с американцами, но опасалось протестов ультраправых. Однажды очередной вариант проекта был вручён министру иностранных дел Ёсида Сигэру в туалете кабинета министров.

Указ Хирохито был опубликован 1 января 1946 г. Он был составлен на основе проекта Хендерсона и Блисса, но в нём произошли переделки, во многом изменившие первоначальный смысл.

Текст, официально названный «Указом о строительстве новой Японии», начи-

нался пассажем, изобретённым при дворе. Это была «Клятва в пяти статьях», которую дед Хирохито, император Мэйдзи, принёс синтоистским богам весной 1868 г. Суть «Клятвы», сформулированной в высокопарных выражениях, заключалась в следующем. Во-первых, император обещал, что отныне он будет управлять страной, опираясь на «общественные собрания». Во-вторых, прокламировался конфуцианский принцип, что элита и подданные обязаны объединиться ради благополучия страны. В-третьих, всем подданным предоставлялось право проявлять личную инициативу. В-четвёртых, обещалось, что «будут устранены дурные обычаи прошлого», а управление станет основываться на «Пути Неба и Земли». В-пятых, говорилось, что «знания будут обретаться во всём мире». Составляя указ, политическая элита

желала продемонстрировать, что основы демократии в Японии идут из глубины веков. Японская политическая культура не любит ничего нового, а потому всякие реформы должны выглядеть как продолжение прежнего хода вещей. Текст указа был согласован с американцами, которые, кажется, упустили один важный момент: «аудиторией», к которой обращался Мэйдзи, был вовсе не народ, а синтоистские божества. Так что к «демократичности» этой «Клятвы» следует относиться с весьма серьёзными оговорками.

В тексте Блисса однозначно говорилось о недопустимости «обожевления» императора. В окончательном же варианте было сказано следующее: «Пребывая в единении со своим народом, Мы всегда готовы разделить с ним радости и горести. Связь между Нами и народом всегда основывалась на взаимном доверии и привязанности, а не просто на мифах и легендах. Не основывается она и на ложной идее о том, что император является явленным божеством (*акцицумиками*), и на том, что японский народ стоит выше других народов, и его предназначением является управление миром».

Отрицание своей божественности далось Хирохито довольно легко. Дело в том,

Пожилая женщина при появлении императора прикрывает ладонью глаза, как если бы её ослепляет солнце.

что в японской традиции император не являлся всемогущим богом, каким он рисуется в христианстве. Не был он и «обычным» синтоистским божеством. Он считался *потомком* богини солнца Аматэрасу, и текст указа не отрицает ни этого, ни того, что император выполняет функции первожреца синто. Сведения о происхождении императорского дома были для японцев «историей», т.е. отражением реальных событий, а не мифом. Да и само слово «миф» не означало тогда в японском языке небылицу. Однако это были такие детали, входившие в которые западный мир не желал. Тем более что в официальном переводе указа на английский язык стояло не замысловатое *акшумиками*, а «Emperor is divine» – «божественный император».

Тем не менее после публикации указа американские газеты писали, что, отказавшись от своего божественного происхо-

ждения, Хирохито обозначил себя как величайшего реформатора, а Макартур с армейской прямоотой заявил, что император играет ведущую роль в демократизации страны. Таким образом, содержание указа трактовалось европейцами и японцами по-разному. Тем более, что в нём содержались и другие положения, которые, с точки зрения японцев, «били против цели». Так, японская военная пропаганда никогда не заявляла о том, что Япония мечтает завладеть всем миром. Война, которую вела страна, называлась «великой восточно-азиатской войной».

Указы императора, как уже говорилось, составлялись на чрезвычайно трудном для понимания языке. Поэтому премьер-министр Сидэхара представил свой комментарий указа, который и воспринимался населением как руководство к пониманию. Полностью обойдя вопрос о божествен-

Путешествующего императора охраняли солдаты американской оккупационной армии.

ности императора, он сосредоточился на доказательстве того, что демократия существовала в Японии уже в период правления Мэйдзи. В заключение он заявил: «Основываясь на этом императорском послании, мы сможем создать новую нацию, которая будет неуклонно придерживаться демократии, пацифизма и рационализма, что, таким образом, облегчит думы императора». Данная трактовка, призывающая к преобразованиям и игнорирующая проблему божественности, сделалась ведущей. Сам текст указа давал для неё повод, поскольку проблема божественности действительно не доминировала в нём; ведущее место отводилось призывам к людям объединить с императором усилия по преодолению временных жизненных трудностей и созданию новой Японии – страны мирной, экономически и научно развитой. Император не сомневался, что японцы сумеют соз-

дать «новые ценности», которые будут достойны (букв. «которых не будет стыдно») «наших богатых традиций». И тогда японцы сумеют внести огромный вклад в повышение мирового благосостояния.

Всё это объясняет, почему заявление Хирохито оставило японцев почти равнодушными. Молчал премьер, который в процессе подготовки указа, не обвиняясь, говорил о «божественном характере» (*синкаку*) императора, молчали ультраправые националисты, молчали и простые люди. Эпидемии самоубийств, которая сопровождала выход Японии из войны, не случилось. Тем не менее, историки стали именовать этот указ императора *нингэн сэнгэн* – «провозглашение [себя] человеком». И для такого вывода тоже были основания. После обнародования указа средства массовой информации стали свободно обсуждать личность императора. Раньше они такой

возможности не имели. А сам Хирохито больше никогда не говорил о себе как о «явленном божестве».

В Японии было принято каждый новый год проводить конкурс на лучшее стихотворение в форме *танка*. Двор заранее объявлял тему, на которую следует сочинить стихотворение. Десятки тысяч японцев принимали участие в конкурсе. В 1946 г. была избрана вполне традиционная тема – снег на осне. Как и поклонники поэзии со всей страны, на эту тему сочиняли и известные лица. 22 января было опубликовано стихотворение самого Хирохито. Вот оно:

*Стойкая сосна -
держит снег,
что падает на неё,
и цвета не меняет.
Пусть люди такими же будут.*

Что хотел сказать этим стихотворением Хирохито? Что он, несмотря ни на что, остался прежним и ожидает того же от своих подданных? Что в нём по-прежнему живёт божественное семя, которое не может вытравить никто?

Американцы же были на сей счёт другого мнения. Мероприятия по демонтажу прежней идеологической конструкции следовали одно за другим: 6 апреля была отменена церемония почитания портрета Хирохито в школах; 29 сентября ушла в прошлое другая важнейшая церемония – зачитывание в школах в дни государственных праздников «Указа о воспитании» 1890 г. Этот указ, предписывающий безграничную лояльность к императору, служил одной из главных опор прежнего образования. Правда, его изучение продолжалось ещё какое-то время, но не потому, что это был указ императора, а потому, что в нём содержались «слова истины». Иначе говоря, каждая сторона ещё долгое время оставалась при своём мнении. К вопросу о своей «небожественности» Хирохито не возвращался больше никогда.

Трактовки «Указа о провозглашении себя человеком» могли быть разными. Но остаётся фактом, что после его обнародования кампания по «очеловечиванию» императора день ото дня стала набирать силу. Американское командование требовало новых мер по лишению Хирохито ореола божественности. В 1946 г. он начал серию поездок по стране, продолжавшихся до августа 1954 г. Хирохито посетил практически все префектуры. За 165 дней своих путешеств-

вий он преодолел 33 тыс. км. Обосновывая необходимость «хождения императора в народ», американцы имели в виду западную модель поведения первого лица (будь то американский президент или английский король), согласно которой он наделяется функцией движения. Руководитель западного типа должен создавать у граждан или подданных впечатление, что каждая его минута наполнена деятельностью. А для достижения такой цели нет ничего лучше, чем передвижение по стране. Наматывая километры и общаясь с людьми лицом к лицу, интересуясь их проблемами, деятель формирует представление, что он и народ связаны неразрывными узами. В конце 1945 г. Хирохито снабдили иллюстрированной книгой об английском королевском доме. Японский император смог воочию убедиться, что английский король постоянно разговаривает с простыми людьми и даже спускается в забой.

Японская же модель общения императора с подданными была совсем другой: он обращался к народу с письменными указами. Подданные могли видеть своего императора на фотографиях, но он никогда не снисходил до того, чтобы поговорить с ними. Император постоянно пребывает в сакральном центре (своём дворце). Министры же и другие подданные должны вращаться вокруг него, ибо император является земным воплощением всегда неподвижной Полярной звезды¹.

Когда в начале 1946 г. Хирохито собирали в первое путешествие, двор обращался не только к западному опыту. Следовало подобрать подходящий пример и из собственного прошлого. Обратились всё к тому же Мэйдзи, поскольку в первую половину своего долгого правления он путешествовал довольно много. В то время населению, лишь недавно избавленному от правления сёгунов из дома Токугава, было продемонстрировано, что у него появился новый и легитимный правитель. Теперь же следовало показать, что император в Японии – прежний, что он по-прежнему входит в нужды своего народа, хотя и обладает самым обычным человеческим телом, облачённым в костюм с галстуком. На голове у него красовалась шляпа, сняв которую, он приветствовал встречавших его людей, ощущавших себя не то подданными Хирохито, не то гражданами Японии. В любом случае они встречали Хирохито криками «Банзай!»; там, куда должна была ступить

¹ См. об этом подробнее: Мещеряков А. Японский император и русский царь: телесные функции // Восточная коллекция, 2003, № 2.

его нога, стелились циновки, ибо нога императора не должна касаться земли; вывешивались запрещённые оккупационными властями национальные флаги; площади украшали увитые цветами и зеленью арки и колонны; кое-кто, переполнившись восторгом лицемерия монарха, падал в обморок. Хотя японцы, завидев императорский поезд, имели обыкновение кланяться как самому императору, так и «виллисам», в которых размещалась военная полиция оккупационных войск, американцы были недовольны: поездки Хирохито зачастую напоминали явление триумфатора. Хотя Хирохито уже не был божеством, не был он и обычным человеком. И по-прежнему никто не мог повернуться к нему спиной: поприветствовав императора, японец начинал пятиться, подобно крабу.

Охрана императора состояла из американских солдат, поскольку циркулировали слухи, что корейские коммунисты готовят покушение на Хирохито. В таком окружении император выглядел скорее пленником, чем сюзереном. Но поездки по стране принесли впечатляющие результаты. Миллионы людей смотрели на Хирохито и не слепли. Они видели его неуверенную походку, слышали его скрипучий голос. Люди убеждались, что Хирохито был человеком. Американский журналист Марк Гейн так описывал внешность императора, общавшегося с народом: «Это человек всего 5 футов 2 дюйма роста в мешковатом сером полосатом костюме, брюки которого короче положенной длины дюйма на два. У него ярко выраженный нервный тик, и его правое веко постоянно подёрги-

вается. Когда он идёт, он немного отбрасывает правую ногу в сторону, как бы не владея ею. Он был явно взволнован, ему было не по себе, и он не знал, куда деть руки... Теперь император представлялся нам таким, каким он был на самом деле: усталым, жалким человечком, вынужденным выполнять неприятную для него обязанность и отчаянно пытающимся овладеть непослушным голосом, лицом и телом». (Гейн М. Японский дневник. М., 1952).

Циничные американцы называли Хирохито за глаза «Чарли», имея в виду нелепого и смешного героя Чарли Чаплина. Однако на японцев он производил совсем другое впечатление: одни испытывали чувство жалости к человеку, которому требовалась их помощь, для других пребывание в ауре императора означало надежду на счастливую жизнь.

Помощь японцев своему императору должна была состоять в том, чтобы преодолеть разруху и отстроить новую Японию, авторитет которой определяла бы не армия, а экономика. Следует признать, что этой цели они добились. И в нынешней Японии почти никто не требует упразднения «феодального» монархического института. Японцы считают его слишком древним, чтобы просто взять и ликвидировать. Несмотря на непрекращающиеся споры о роли Хирохито во Второй мировой войне и на справедливые упрёки из многих стран в том, что японцы не принесли подлинного покаяния, для самих японцев хризантемовый трон выглядит не столько обветшалым, сколько покрытым благородной патиной времени.

Путешествия Хирохито по стране были призваны лишить его ореола божественности.

